

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дело № 4-008 – 10

КАССАЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

г. Москва

12 марта 2008 года

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда
Российской Федерации в составе

председательствующего – Шурыгина А. П.
судей - Иванова Г. П. и Климова А. Н.

рассмотрела в судебном заседании от 12 марта 2008 года уголовное дело по кассационному представлению государственного обвинителя Кисилевой М. А. и кассационным жалобам осужденных Хутиева М. А., Соколовой И. Б., Мейрманова А. А., Проскуры Д. Е., Марулина А. С., Умиртаева К. Т. и адвокатов Шакиржанова Р. С. и Пшеничникова В. В. на приговор Московского областного суда от 7 августа 2007 года, которым

ХУТИЕВ М. А. [redacted], [redacted]
[redacted]
[redacted]

осужден по ст. ст. 30 ч. 1 и 228-1 ч. 3 п. п. «а, г» УК РФ к 9 годам лишения свободы без штрафа, по ст. ст. 30 ч. 1 и 228-1 ч. 3 п. «г» УК РФ к 8 годам лишения свободы без штрафа и по совокупности совершенных

преступлений, на основании ст. 69 ч. 3 УК РФ, к 10 годам лишения свободы без штрафа в исправительной колонии строгого режима.

Оправдан по ст. ст. 210 ч. 1, 33 ч. 3 и 188 ч. 4 УК РФ за отсутствием в деянии состава преступления.

СОКОЛОВА И [REDACTED] Б [REDACTED], [REDACTED]
[REDACTED]

осуждена за совершение двух преступлений, предусмотренных ст. ст. 30 ч. 1 и 228-1 ч. 3 п. п. «а, г» УК РФ, к 7 годам 6 месяцам лишения свободы без штрафа за каждое, и по совокупности совершенных преступлений, на основании ст. 69 ч. 3 УК РФ, к 10 годам лишения свободы без штрафа в исправительной колонии общего режима.

Оправдана по ст. ст. 210 ч. 2, 33 ч. 3 и 188 ч. 4, по ст. ст. 228-1 ч. 3 п. п. «а, г» УК РФ за отсутствием в деянии состава преступления.

МАРУЛИН А [REDACTED] С [REDACTED], [REDACTED]
[REDACTED]
[REDACTED]

осужден за совершение двух преступлений, предусмотренных ст. ст. 30 ч. 1 и 228-1 ч. 3 п. п. «а, г» УК РФ, к 7 годам 6 месяцам лишения свободы без штрафа за каждое, и по совокупности совершенных преступлений, на основании ст. 69 ч. 3 УК РФ, к 8 годам 6 месяцам лишения свободы без штрафа в исправительной колонии строгого режима.

Оправдан по ст. ст. 210 ч. 2, 228-1 ч. 3 п. п. «а, г» УК РФ за отсутствием в деянии состава преступления.

ПРОСКУРА Д [REDACTED] Е [REDACTED], [REDACTED]
[REDACTED]

осужден за совершение двух преступлений, предусмотренных ст. ст. 30 ч. 1 и 228-1 ч. 3 п. п. «а, г» УК РФ, к 7 годам 6 месяцам лишения свободы без штрафа за каждое, по ст. 188 ч. 4 УК РФ к 7 годам лишения свободы без штрафа и по совокупности совершенных преступлений, на основании ст. 69 ч. 3 УК РФ, к 10 годам лишения свободы без штрафа в исправительной колонии строгого режима.

Оправдан по ст. ст. 210 ч. 2, 228-1 ч. 3 п. п. «а, г», 188 ч. 4 УК РФ за отсутствием в деянии состава преступления.

УМИРТАЕВ К [REDACTED] Т [REDACTED], [REDACTED]
[REDACTED]
[REDACTED]

осужден по ст. ст. 30 ч. 1 и 228-1 ч. 3 п. п. «а, г» УК РФ к 8 годам лишения свободы без штрафа, по ст. 188 ч. 4 УК РФ к 7 годам лишения свободы без штрафа и по совокупности совершенных преступлений, на основании ст. 69 ч. 3 УК РФ, к 9 годам лишения свободы без штрафа в исправительной колонии строгого режима.

Оправдан по ст. ст. 210 ч. 2, 228-1 ч. 3 п. п. «а, г», 188 ч. 4 УК РФ за отсутствием в деянии состава преступления.

МЕЙРМАНОВ А. [REDACTED] и А. [REDACTED], [REDACTED]
[REDACTED]
[REDACTED]

осужден по ст. ст. 30 ч. 1 и 228-1 ч. 3 п. п. «а, г» УК РФ к 8 годам лишения свободы без штрафа, по ст. 188 ч. 4 УК РФ к 7 годам лишения свободы без штрафа и по совокупности совершенных преступлений, на основании ст. 69 ч. 3 УК РФ, к 9 годам лишения свободы без штрафа в исправительной колонии строгого режима.

Оправдан по ст. ст. 210 ч. 2, 228-1 ч. 3 п. п. «а, г», 188 ч. 4 УК РФ за отсутствием в деянии состава преступления.

По делу решена судьба вещественных доказательств.

Постановлено взыскать процессуальные издержки в доход государства с Соколовой И. Б. – [REDACTED] с Марулина А. С. – [REDACTED] с Хутиева – [REDACTED]

Заслушав доклад судьи Иванова Г. П., выступления осужденных Соколовой И. Б. и Марулина А. С. и адвокатов Жарова С. М. и Перевезенцева А. А., просивших приговор изменить и смягчить наказание, осужденных Хутиева М. А. и Мейрманова А. А. и адвокатов Шакиржанова Р. С. и Пшеничникова В. В., просивших приговор отменить и дело прекратить за непричастностью Умиртаева и Мейрманова к совершению преступления, и прокурора Кривоноговой Е. А., просившей отменить приговор по доводам кассационного представления и дело направить на новое рассмотрение, судебная коллегия

УСТАНОВИЛА:

По приговору суда Соколова, Марулин, Проскура, Умиртаев, Хутиев и Мейрманов признаны виновными в приготовлении к незаконному сбыту наркотических средств организованной группой в

особо крупном размере, Проскура, Умиртаев и Мейрманов также в контрабанде организованной группой, а Умиртаев, кроме того, в приготовлении к незаконному сбыту наркотических средств в особо крупном размере.

Преступления совершены в период с ноября 2004 года по ноябрь 2005 года [REDACTED] [REDACTED] [REDACTED] [REDACTED] [REDACTED] [REDACTED] [REDACTED] обстоятельствах, указанных в приговоре.

В судебном заседании Соколова, Марулин, Проскура и Хутиев признали себя виновными частично, а Умиртаев и Мейрманов виновными себя не признали.

В кассационном представлении ставится вопрос об отмене приговора и направлении дела на новое рассмотрение в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела, установленным судом.

Указывается, что согласно показаниям свидетелей Ш [REDACTED], Д [REDACTED], Ф [REDACTED], К [REDACTED], К [REDACTED], П [REDACTED], Ч [REDACTED], Х [REDACTED], Е [REDACTED] и Н [REDACTED] а также показаниям самих подсудимых, судом был установлен факт создания преступного сообщества (преступной организации), которое занималось осуществлением регулярных контрабандных поставок из [REDACTED] [REDACTED] наркотического средства – марихуаны, и дальнейшего его сбыта на территории Российской Федерации. Преступное сообщество состояло из нескольких структурных подразделений, одним из которых руководило лицо, разыскиваемое по настоящему делу, и в которое входили Соколова, Марулин, Проскура и Умиртаев, а вторым, в которое входил Мейрманов, руководил Хутиев. Общее же руководство преступным сообществом осуществляло не установленное лицо по имени «А [REDACTED]».

Суд, оправдывая подсудимых по ст. 210 УК РФ, необоснованно указал в приговоре, что преступного единого интереса, который бы объединял эти две группы, не установлено.

Кроме того, исследовав доказательства по эпизодам от марта 2004 года, от 7 августа 2004 года, от 9 апреля 2005 года и от 29 октября 2005 года, суд нашел доказанным получение в составе организованных групп брикетов вещества, перемещаемых через границу Российской Федерации. Оправдав Соколову, Марулина, Проскуру, Хутиева, Мейрманова по обвинению в незаконном сбыте наркотического средства в связи с тем, что вещество в указанные даты не изымалось, и судебно-химическая экспертиза не проводилась, не дал оценку этим

доказательствам в части совершения подсудимыми преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ.

Суд также при оправдании Соколовой, Марулина, Проскуры и Умиртаева не дал оценку протоколу проверки показаний на месте свидетеля Е [REDACTED], в ходе которой Е [REDACTED] показал, в каком месте и при каких обстоятельствах произошел сброс мешка с наркотическим средством в этот день.

Поэтому автор кассационного представления считает необоснованным оправдание подсудимых за отсутствием в их действиях состава преступления и одновременно указывает на то, что в результате такого оправдания суд при назначении наказания не учел степень общественной опасности содеянного.

Вместе с тем, в кассационном представлении указывается и на то, что суд необоснованно не учел в качестве смягчающего обстоятельства заявление Проскуры от 2 июля 2005 года, которое по существу представляет собой явку с повинной.

В кассационных жалобах:

адвокат Пшеничников в интересах осужденного Умиртаева просит приговор отменить и дело прекратить, мотивируя тем, что в основу приговора положены доказательства, которые должны были быть признаны недопустимыми, а также недостоверные доказательства.

К недопустимым доказательствам адвокат относит показания П [REDACTED], данные на предварительном следствии в качестве свидетеля, протоколы опознания ею ряда подсудимых по фотографиям, показания свидетеля В [REDACTED] и протоколы опознания им по фотографиям Мейрманова и Умиртаева, первоначальные показания Проскуры, изобличающие Умиртаева, заключение химической экспертизы по смывам с рук Умиртаева, и приводит в жалобе основания, по которым эти доказательства следует считать недопустимыми.

Одновременно он считает малоубедительным доказательством вины Умиртаева факт обнаружения в смывах с его рук частиц марихуаны, которые могли попасть к нему при совершенно других обстоятельствах, о которых пояснял Умиртаев.

Он также считает, что по делу имеются доказательства, которые прямо указывают на непричастность Умиртаева к совершению преступления и ссылается при этом на то, что Умиртаев не скрывался от суда, когда был освобожден из ИВС, и что он, согласно данным Федеральной таможенной службы, в период с 6 по 9 апреля 2005 года границу Российской Федерации не пересекал.

Кроме того, адвокат считает, что судом было нарушено конституционное право Умиртаева на защиту, поскольку ему было

отказано в удовлетворении ходатайства о допуске в качестве защитника Епанешникова – руководителя Службы срочной правовой помощи Комитета «За гражданские права»;

осужденный Хутиев утверждает, что у него не было цели на сбыт наркотических средств, и просит исключить из приговора указание об этом, а также применить ст. ст. 61 и 62 УК РФ и снизить срок лишения свободы до 7 лет 6 месяцев с учетом имеющихся по делу смягчающих обстоятельств, и отменить приговор в части взыскания с него 35 200 рублей за участие в деле защитника, ссылаясь на то, что он ни на предварительном следствии, ни в суде не просил о предоставлении ему адвоката;

осужденная Соколова просит смягчить приговор с применением ст. 64 УК РФ, ссылаясь на то, что наказание ей назначено чрезмерно суровое, в том числе и по сравнению с другими осужденными, по делу имеется совокупность смягчающих обстоятельств, и она раскаивается в содеянном;

осужденный Проскура просит приговор изменить, смягчить наказание, применить ст. 64 УК РФ с учетом имеющихся по делу обстоятельств, свидетельствующих о том, что он раскаялся в содеянном, оказывал помощь следствию в раскрытии преступления, был менее активным по сравнению с другими участниками преступления, положительно характеризуется по месту жительства и содержания под стражей;

осужденный Марулин утверждает, что его причастность к приготовлению к сбыту наркотических средств по эпизоду от 28 ноября 2004 года не доказана, а по эпизоду от 1 июля 2005 года не доказано, что он имел умысел на сбыт наркотических средств, марихуану он приобретал для личного потребления, виновным себя в этом он признает и раскаивается, просит учесть состояние здоровья, менее активную роль и приговор по первому эпизоду отменить и дело прекратить, а по второму эпизоду переквалифицировать его действия на ст. 228 ч. 2 УК РФ, наказание назначить с применением ст. 64 УК РФ;

осужденный Умиртаев утверждает, что он не участвовал в перевозке наркотических средств и сбросе его с поезда, выводы суда о его виновности в приготовлении к незаконному сбыту наркотиков и в контрабанде не соответствуют фактическим обстоятельствам дела, в приговоре содержатся противоречия, не дана оценка всем исследованным доказательствам, не установлено, в каком месте и каким

способом он мог провезти марихуану через границу, приговор основан на недопустимых доказательствах, к которым он относит показания Соколовой и Проскуры. Показания сотрудников службы по контролю за незаконным оборотом наркотиков, по мнению осужденного, не могут являться доказательствами, так как эти лица не являлись очевидцами совершения преступления. Он был задержан в поезде необоснованно, так как при пересечении границы не имел каких-либо предметов и веществ, запрещенных к перевозке. Он также оспаривает выводы эксперта-химика, исключившего возможность образования на его руках следов марихуаны при обстоятельствах, указанных им в судебном заседании, считая их противоречивыми. Утверждает, что был лишен возможности задавать вопросы эксперту в судебном заседании, что ограничило его право на защиту. Также суд нарушил его конституционное право на защиту, поскольку все его ходатайства о допуске в качестве защитника представителя комитета «За гражданские права» Епанешникова оставил без удовлетворения. Суд также не предоставил ему право участвовать в прениях сторон, а в последнем слове председательствующий прервал его, не дав высказать свою позицию по делу. Умиртаев также считает, что обвинительное заключение было составлено с нарушением требований УПК, в нем не приведены содержание доказательств, их относимость и допустимость по делу, что затем повлекло за собой постановление приговора, в котором не приведены доказательства, подтверждающие конкретно его вину в совершении преступления. Он плохо владеет русским языком, однако переводчик на следствии ему не был предоставлен, копия приговора вручена ему на киргизском языке, хотя он является гражданином [REDACTED]. Просит приговор отменить и дело направить на новое рассмотрение;

осужденный Мейрманов утверждает, что никакой груз с наркотиками он через границу не перевозил, этот груз принадлежал пассажиру вагона, к которому он отношения не имел, и этот груз он лично не выбрасывал, а только помог пассажиру, открыв для него дверь вагона. Мейрманов оспаривает показания свидетеля В [REDACTED], утверждая, что названное свидетелем имя «А [REDACTED]» к нему не относится, ссылается на свое семейное положение и состояние здоровья, считая назначенное наказание несправедливым, и просит приговор отменить и дело направить на новое рассмотрение;

адвокат Шакиржанов в защиту интересов осужденного Мейрманова просит приговор отменить и дело прекратить, мотивируя тем, что приговор постановлен на недопустимых доказательствах, таких как протокол опознания Мейрманова по фотографии свидетелем В [REDACTED] и протокол осмотра компакт-диска с результатами

оперативно-розыскных мероприятий, зафиксировавших факт сброса с поезда сумки. Адвокат считает также, что доказательства, положенные в основу приговора, о виновности Мейрманова в совершении преступления, являются недостаточными. Так, он считает, что суд дал неправильную оценку показаниям свидетеля В [] и необоснованно признал, что этот свидетель изобличает Мейрманова. Имя «А []» которое называл этот свидетель и данные на «А []», содержащиеся в телефоне Хутиева и в материалах прослушивания телефонных переговоров, никакого отношения к Мейрманову не имеют. На руках и одежде Мейрманова следов наркотического средства при проведении химической экспертизы обнаружено не было, а ссылка суда на изъятие у Мейрманова ленты скотч, которой возможно была обмотана сумка, сброшенная с поезда, является неубедительной, поскольку экспертиза о тождественности скотча по делу не проводилась. Что касается показаний свидетелей Д [] и Н [], то они видели только, как Мейрманов открывал двери вагона, но не видели, кто сбросил сумку с поезда. По эпизоду от 29 октября 2005 года выводы о причастности Мейрманова к перевозке наркотических средств опровергаются документам, имеющимися в деле, согласно которым в этот период он границу Российской Федерации в зоне деятельности [] таможенного поста не пересекал и в [] не был.

Вместе с тем, адвокат в жалобе указывает и на несправедливость назначенного Мейрманову наказания, ссылаясь на то, что при очевидном различии смягчающих обстоятельств в пользу Мейрманова судом Умиртаеву и Мейрманову назначено одинаковое наказание.

В возражениях на кассационное представление государственного обвинителя осужденные Хутиев и Марулин просят оставить его без удовлетворения.

Проверив материалы дела и обсудив доводы кассационного представления, кассационных жалоб и возражения, судебная коллегия считает, что оснований для отмены или изменения приговора не имеется.

Так, с доводами кассационного представления о том, что суд необоснованно оправдал Соколову, Марулина, Проскуру, Умиртаева и Мейрманова по ст. 210 ч. 2 УК РФ, а Хутиева - по ст. 210 ч. 1 УК РФ, согласиться нельзя по следующим мотивам.

Согласно ч. 4 ст. 35 УК РФ, преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено сплоченной организованной группой (организацией), созданной для совершения тяжких или особо тяжких

преступлений, либо объединением организованных групп, созданных в тех же целях.

Как следует из обвинительного заключения, и об этом указано в кассационном представлении, обвинение Хутиева в создании преступного сообщества и в руководстве этим сообществом, а Соколовой, Марулина, Проскуры, Умиртаева и Мейрманова в участии в преступном сообществе, основывалось, прежде всего, на том, что для незаконного сбыта наркотических средств в особо крупном размере на территории Российской Федерации, было создано два структурных подразделения, общее руководство которыми осуществляло не установленное лицо по имени «А [REDACTED]».

Суд, оправдывая этих лиц по ст. 210 УК РФ, указал в приговоре, что фактически существовало две самостоятельных организованных группы, в одну из которых входили лицо, в отношении которого дело выделено в отдельное производство в связи с розыском, Соколова, Марулин, Проскура и Умиртаев, а в другую – не установленное следствием лицо по имени «А [REDACTED]», Хутиев и Мейрманов.

Выводы суда о том, что две вышеназванные группы не были объединены в преступное сообщество, являются обоснованными, поскольку, как правильно указано в приговоре, органы предварительного следствия не представили достаточные доказательства, которые бы подтверждали, что этими группами осуществлялось общее руководство.

Так, судом установлено, и это обстоятельство не оспаривается в кассационном представлении, что организованной группой, в состав которой входили Соколова, Марулин, Проскура и Умиртаев, руководило лицо, дело в отношении которого выделено в отдельное производство в связи с розыском, а второй организованной группой, в которую входил Мейрманов, руководил осужденный Хутиев.

Данных о том, что общее руководство двумя организованными группами осуществляло не установленное лицо по имени «А [REDACTED]», в материалах дела не имеется и в кассационном представлении не приводится.

Доводы кассационного представления о том, что суд пришел к неправильному выводу, так как не дал оценку показаниям свидетелей и показаниям самих подсудимых, которые подтверждают факт создания преступного сообщества, являются необоснованными.

Из показаний свидетелей, указанных в кассационном представлении, и показаний осужденных следует лишь то, что незаконный оборот наркотиков осуществлялся длительное время двумя организованными группами.

Ссылка автора кассационного представления на свидетеля Прилипко недостаточна для того, чтобы признать деятельность этих двух групп преступным сообществом, поскольку свидетель пояснял только о том, что не установленное лицо по имени «А []» являлся организатором, но не руководителем, поставок наркотиков.

К тому же, суд правильно указал в приговоре, что по делу не имеется объективных данных о том, что не установленное лицо по имени «А []», о котором сообщала свидетель П [], как об организаторе поставок наркотиков для лица, дело в отношении которого выделено в отдельное производство, и мужчина с таким же именем, который организовал поставку наркотиков и для Хутиева, является одним и тем же лицом.

Судом также дана надлежащая оценка и показаниям Проскуры, который на предварительном следствии пояснял, что видел лицо, дело в отношении которого выделено в отдельное производство в связи с розыском, в обществе мужчины по имени «А []», и показаниям свидетеля В [], который видел Хутиева с женщиной, похожим на лицо, дело в отношении которого выделено в отдельное производство в связи с розыском, и обнаружению в записной книжке Соколовой фамилии человека по имени «А []».

При этом выводы суда об отсутствии какой-либо преступной взаимосвязи между не установленным лицом по имени «А []», лицом, дело в отношении которого выделено в отдельное производство, Хутиевым и Соколовой основаны на отсутствии бесспорных доказательств этого обстоятельства и, следовательно, на недопустимости делать выводы о виновности лица в совершении преступления, носящие характер предположений.

Кроме того, органы предварительного следствия не добыли и, следовательно, не представили суду доказательства, свидетельствующие о наличии у этих двух организованных групп таких характерных признаков для преступного сообщества, как наличие единого центра, где аккумулировались бы полученные в результате незаконного оборота наркотиков денежные средства.

Сами по себе организованные группы по своему составу были малочисленными, что не характерно для преступного сообщества. Так, в группу, которой руководило лицо, дело в отношении которого выделено в отдельное производство в связи с розыском, входило четверо осужденных, а в группу, которой руководил Хутиев, входил только осужденный Мейрманов.

Таким образом, следует признать, что приговор в части оправдания Хутиева по ст. 210 ч. 1 УК РФ, а Соколовой, Марулина, Проскуры, Умиртаева и Мейрманова по ст. 210 ч. 2 УК РФ, является законным и обоснованным, а доводы кассационного представления об отмене оправдательного приговора необоснованными.

Также законным и обоснованным является приговор в части оправдания Соколовой, Марулина и Проскуры по эпизодам от марта 2004 года, от 7 августа 2004 года и от 9 апреля 2005 года, а также в части оправдания Хутиева и Мейрманова по эпизоду от 29 октября 2005 года, поскольку во всех этих случаях отсутствует заключение судебной химической экспертизы, без которой невозможно установить наименование и размер наркотических средств, в сбыте и контрабанде которых обвинялись вышеуказанные лица.

Доводы кассационного представления о том, что суд не дал оценку протоколу проверки показаний свидетеля Е [REDACTED] на месте совершения преступления, не могут служить основанием для отмены приговора, поскольку в указанном протоколе содержатся те же сведения, что и в показаниях свидетеля Е [REDACTED], которые он давал на предварительном следствии и которые приведены в приговоре.

Необоснованными являются и доводы кассационных жалоб о не доказанности вины осужденных в совершении преступлений.

Как следует из материалов дела, Соколова, Марулин, Проскура, Умиртаев, Хутиев и Мейрманов длительное время занимались незаконным оборотом наркотиков, а 2 июля 2005 года при получении очередной партии наркотиков из [REDACTED] Соколова и Марулин были задержаны с поличным. 13 ноября 2005 года был задержан Хутиев, который в этот день также получил очередную партию наркотиков из [REDACTED].

Эти обстоятельства подтверждаются не только показаниями сотрудников службы по борьбе с незаконным оборотом наркотиков

Ш [], Д [], Ф [], К [], П [], Ч [], Н [], Х [], К [] но и показаниями свидетелей П [], Е [], В [], а также показаниями самих осужденных - Соколовой, Марулина, Проскуры, и частично показаниями осужденного Хутиева.

Так, свидетель П [] о в судебном заседании подтвердила, что в 2004 году трижды привозила в [] марихуану и передавала ее женщине по имени []

На предварительном следствии П [] поясняла, что на протяжении длительного времени она перевозила железнодорожным транспортом наркотические средства из [] [] [] [], где передавала их Соколовой и Марулину. Наркотики она получала от Проскуры. 28 ноября 2004 года ее и К [] задержали сотрудники милиции в [] с очередной партией наркотиков.

П [] по фотографии опознала Проскуру, как лицо, передававшее ей по указанию А [] наркотики в [], а также Соколову и Марулина, как лиц, которым она предавала наркотики по приезду в [].

То есть, из показаний свидетеля П [] фактически следует, что наркотические средства, с которыми ее задержали 28 ноября 2004 года, также предназначались для передачи Соколовой и Марулину.

Это обстоятельство подтвердил в судебном заседании свидетель Н [], пояснивший, что после задержания П [] и К [] в отношении Соколовой были проведены оперативно-розыскные мероприятия, в том числе и прослушивание телефонных переговоров. В результате стало известно о том, что планируется новая поставка наркотиков Соколовой.

Свидетель Е [] подтвердил в судебном заседании, что в апреле 2005 года он по просьбе Соколовой, которая занималась распространением наркотиков, на своей машине подъехал к платформе [] там подобрал сброшенный с поезда мешок и передал его Соколовой, которая проживала совместно с Марулиным.

На предварительном следствии Соколова также поясняла, что наркотики из [] ей привозили две женщины – [] (соответствует именам П [] и К []), они приезжали к ней

пять раз, а в конце 2004 года их на вокзале задержали сотрудники Госнарконоконтроля и после этого наркотики стали сбрасывать с поезда, она и Марулин забирали их и отвозили к себе домой, где хранили до того момента, пока их по указанию А [] (лица, дело в отношении которого дело выделено в отдельное производство в связи с розыском) не забирали неизвестные ей лица.

Утверждения Соколовой о том, что эти показания она дала под воздействием сотрудника Госнарконоконтроля Н [], были проверены судом и правильно признаны несостоятельными, поскольку никаких нарушений уголовно-процессуального закона при допросе Соколовой допущено не было, показания она давала с участием адвоката, заявлений о применении к ней недозволённых методов следствия не заявляла.

Отрицание П [] причастности Проскуры, Соколовой и Марулина к партии наркотиков, с которой она была задержана 28 ноября 2004 года, правильно расценено судом в приговоре, как стремление П [], содержащейся под стражей, поддержать защитную позицию этих осуждённых.

Поэтому судебная коллегия не может согласиться с доводами кассационной жалобы Марулина о том, что он необоснованно осужден за приготовление к сбыту наркотиков по эпизоду от 28 ноября 2004 года и о том, что 1 июля 2005 года он приобрел марихуану для личного потребления.

Из вышеуказанных показаний Соколовой, которые суд обоснованно признал достоверными, также следует, что после задержания наркокурьеров П [] и К [] наркотики сбрасывал ей с поезда проводник по прозвищу «М []» под руководством Проскуры. Сначала она сама проехала в поезде, показав «М []», где нужно сбросить наркотик, после этого, весной 2005 года, на поезде с «М []» и Проскурой поехал Марулин, показывая место сброса, а она подобрала мешок и отвезла его домой. Последний раз – 1 июля 2005 года она вместе с Марулиным встречала поезд у железнодорожного полотна, а Проскура и «М []» сбросили мешок с наркотиками с поезда.

Из показаний Проскуры, которые он давал на предварительном следствии в качестве подозреваемого, следует, что проводник поезда по прозвищу «М []» - это осуждённый Умиртаевым, с ним его познакомил А [] (лицо, дело в отношении которого выделено в отдельное производство в связи с розыском). 1 июля 2005 года в районе

станции [REDACTED] Умиртаев под его визуальным контролем сбросил из тамбура мешок с наркотическим средством Соколовой и Марулину, ожидавшим у полотна в автомашине с включенной аварийной сигнализацией. За это он отдал Умиртаеву [REDACTED] [REDACTED]. После этого, при подъезде к [REDACTED], он и Умиртаев были задержаны сотрудниками Госнаркоконтроля.

Эти показания Проскуры также обоснованно признаны судом достоверными, так как они согласуются с показаниями Соколовой и аналогичными показаниями Марулина, данными им на предварительном следствии в качестве подозреваемого (т. 1 л. д. 190-195).

Нарушений норм уголовно-процессуального закона при допросе Проскуры и Марулина допущено не было, допросы проведены с участием адвоката, заявлений о применении к ним недозволенных методов следствия они до рассмотрения дела судом не подавали.

С доводами кассационных жалоб осужденного Умиртаева и адвоката Пшеничникова о том, что первоначальные показания Соколовой и Проскуры являются недопустимыми доказательствами, согласиться нельзя.

Хотя эти лица и были задержаны утром 2 июля 2005 года в одурманенном состоянии, однако они допрашивались в качестве подозреваемых только на следующий день вечером, то есть по происшествию значительного времени. При этом никаких жалоб на состояние здоровья Соколовой и Проскуры от них самих и адвокатов, принимавших участие в проведении этих следственных действий, не поступало.

Кроме того, показания Соколовой, Проскуры и Марулина подтверждаются показаниями свидетеля В [REDACTED], который на предварительном следствии сначала пояснял, что он видел «М [REDACTED]» в присутствии осужденного Хутиева, от которого ему впоследствии стало известно, что «М [REDACTED]» задержали за перевозку наркотиков, а затем опознал по фотографии этого «М [REDACTED]», как осужденного Умиртаева.

С доводами кассационной жалобы адвоката Пшеничникова о том, что показания свидетеля В [REDACTED] и протокол опознания им Умиртаева по фотографии, являются недопустимыми доказательствами, согласиться нельзя.

Из протокола допроса следует, что нарушений норм уголовно-процессуального закона при допросе В [REDACTED] допущено не было. Каких-либо заявлений в связи с оказанным на него давлением сотрудниками ФСКН либо в связи с необъективным отражением его показаний следователем от свидетеля не поступило.

Что касается утверждений адвоката о недопустимости опознания Умиртаева по фотографии, то им также дана правильная оценка в приговоре со ссылкой на необходимость обеспечения безопасности свидетеля В [REDACTED], о которой суду пояснил следователь С [REDACTED] а также со ссылкой на представленные суду документы, подтверждающие невозможность на тот момент произвести опознание в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым.

Кроме того, при задержании 2 июля 2005 года Соколовой был изъят кошелек, в котором обнаружена визитная карточка, на которой выполнена рукописная запись « [REDACTED] », а в смывах рук Умиртаева, опознанного свидетелем В [REDACTED], после задержания 1 июля 2005 года, согласно заключению эксперта-химика, были обнаружены следы наркотического средства – тетрагидроканнабинола (действующее начало наркотических средств, получаемых из растений конопли). Аналогичные следы наркотического средства были обнаружены также по месту жительства Соколовой.

В судебном заседании была проведена дополнительная химическая экспертиза, которая опровергла утверждения Умиртаева о том, что следы наркотического средства на его руках могли образоваться в связи с уборкой вагона или при рукопожатии с Проскурой.

С доводами кассационных жалоб Умиртаева и его защитника – адвоката Пшеничникова, о том, что заключения экспертов являются недопустимыми доказательствами, и, что показания эксперта И [REDACTED] являются противоречивыми, согласиться нельзя.

Так, из материалов дела видно, что смывы с рук Умиртаева были получены до возбуждения уголовного дела в ходе проведения оперативно-розыскных действий, они были упакованы в конверт и опечатаны, о чем был составлен соответствующий акт, подписанный самим Умиртаевым.

Поэтому утверждения адвоката о необходимости вынесения в данном случае постановления следователя об отобрании образцов для сравнительного исследования не основаны на законе.

В дальнейшем результаты оперативно-розыскных мероприятий были переданы органам предварительного следствия и по постановлению следователя назначена судебная химическая экспертиза, из заключения которой следует, что на исследование пакет со смывами с рук Умиртаева поступил в сохранном состоянии.

С постановлением следователя о назначении судебной химической экспертизы Умиртаев был ознакомлен совместно с защитником, ему были разъяснены права, предусмотренные ст. 198 УПК РФ, никаких ходатайств Умиртаев не заявил.

В судебном заседании права Умиртаева при назначении дополнительной экспертизы также были соблюдены, и вопреки утверждениям адвоката Пшеничникова в жалобе, эксперту были предоставлены все материалы уголовного дела.

После оглашения дополнительного заключения эксперта сторонам было предоставлено право допросить эксперта И [REDACTED]

Показания эксперта И [REDACTED], вопреки утверждениям Умиртаева в жалобе, не содержат противоречий. Кроме того, из протокола судебного заседания видно, что Умиртаев также задал вопрос И [REDACTED] и получил на него ответ, то есть суд не ограничивал его право на допрос эксперта.

Таким образом, выводы суда о причастности Умиртаева к совершению преступлений подтверждаются совокупностью доказательств, приведенных в приговоре.

В связи с этим, доводы кассационной жалобы адвоката Пшеничникова о том, что по делу имеются доказательства невиновности Умиртаева, следует признать необоснованными.

Ссылка адвоката в жалобе на ответ из ОРБ № 11 МВД РФ и сообщение Федеральной таможенной службы о том, что Умиртаев не пересекал государственную и таможенную границу Российской Федерации 9 апреля 2005 года, опровергается показаниями Проскуры, который на предварительном следствии утверждал, что в апреле месяце дважды с Умиртаевым перевозил наркотики [REDACTED] и сбрасывал их с поезда Соколовой (т. 1 л. д. 264).

Эти обстоятельства подтверждаются также показаниями сотрудников Госнаркоконтроля Ш[] , Ф[] и К[] , которые 9 апреля 2005 года отслеживали оперативным путем перевозку наркотиков в поезде, показаниями свидетеля Е[] , который помог Соколовой в апреле 2005 года подобрать сброшенный с поезда груз, а также показаниями Марулина о том, что каждый раз груз сбрасывал с поезда один и тот же проводник по прозвищу «М[] » и однажды он сам находился в поезде и наблюдал за сбросом наркотиков (т. 1 л. д. 193).

Доводы кассационной жалобы адвоката Пшеничникова о недопустимости показаний свидетеля П[] и протоколов опознания Соколовой, Марулина и Проскуры этим свидетелем, не относятся к осуждению его подзащитного Умиртаева, поскольку свидетель П[] не давала показаний, уличающих Умиртаева.

Вместе с тем, эти доводы также являются необоснованными, поскольку за попытку сбыть 28 ноября 2004 года наркотические средства П[] и К[] были осуждены приговором Мещанского районного суда г. Москвы от 10 июня 2006 года, и, поэтому, по настоящему уголовному делу П[] обоснованно была допрошена в качестве свидетеля.

Осужденный Хутиев в судебном заседании не отрицал, что 13 ноября 2005 года он получил более 25 кг марихуаны в 12 свертках из [].

Доводы его кассационной жалобы о том, что он не намеревался сбывать это наркотическое средство, являются необоснованными и опровергаются, прежде всего, количеством полученного им 13 ноября 2005 года наркотика – 1 831,7 средних разовых доз потребления, а также обнаружением в ходе обыска по месту его жительства электронных весов и фасовочных полиэтиленовых пакетов.

Кроме того, при обыске по месту жительства Хутиева было обнаружено еще 92,4 грамма высушенной марихуаны и более 4 кг не высушенной марихуаны, что, согласно заключению эксперта, составило 42,6 и 317,2 средних разовых доз потребления.

Виновность Мейрманова в совершении преступлений подтверждается показаниями самого осужденного, не отрицавшего, что он открывал дверь в вагоне, из которого Хутиеву 13 ноября 2005 года был сброшена сумка с наркотическими средствами.

Доводы его кассационной жалобы и жалобы адвоката Шакиржанова о том, что сумка была выброшена из вагона пассажиром, к которому Мейрманов никакого отношения не имел, опровергаются показаниями свидетеля В [REDACTED], пояснявшего на предварительном следствии, что сумку выбросил из вагона именно Мейрманов и сделал он это после того, как увидел его, В [REDACTED].

Эти показания суд обоснованно признал достоверными, несмотря на то, что свидетель В [REDACTED] не подтвердил их в судебном заседании и утверждал, что сумку выбросил другой человек, поскольку они подтверждаются другими доказательствами.

Так, свидетели Д [REDACTED], Н [REDACTED], К [REDACTED], П [REDACTED] и Х [REDACTED] утверждали в суде, что они лично наблюдали, как Мейрманов сбросил с поезда сумку с наркотическим средством, и в этой части их показания подтверждаются просмотренным судом компакт-диском, на котором зафиксированы эти обстоятельства.

Кроме того, Воронов пояснял на предварительном следствии, что его с Мейрмановым – казахом по имени «А [REDACTED]», познакомил Хутиев, а последний на следствии и в суде не отрицал, что он знал Мейрманова.

На предварительном следствии свидетель В [REDACTED] опознал Мейрманова по фотографии, как проводника по имени «А [REDACTED]», сбросившего 13 ноября 2005 года с поезда [REDACTED] сумку.

С доводами кассационных жалоб о том, что этот протокол опознания является недопустимым доказательством, согласиться нельзя.

Опознание Мейрманова по фотографии было проведено, как пояснил в судебном заседании следователь С [REDACTED], в целях необходимости обеспечить безопасность свидетеля В [REDACTED] и невозможности провести опознание Мейрманова по личности в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым.

Нарушений требований ст. 193 УПК РФ суд первой инстанции не усмотрел, не усматривает их и судебная коллегия, поскольку из протокола опознания видно, что фотография Мейрманова предъявлялась одновременно с фотографиями других лиц, внешне сходных с опознаваемым лицом.

Необоснованными являются и доводы о недопустимости в качестве доказательства протокола осмотра компакт-диска с фотографиями, запечатлевшими обстоятельства сброса наркотиков с поезда 29 октября и 13 ноября 2005 года, поскольку эти сведения были рассекречены в установленном законом порядке, направлены следователю, который произвел осмотр компакт-диска и вынес постановление о приобщении его к материалам дела.

При задержании Хутиева у него были изъяты сотовые телефоны, в памяти которых содержались записи телефона «А []», под именем которого Хутиев познакомил Мейрманова с В [], и активных переговоров Хутиева с «А []» - Мейрмановым, непосредственно перед моментом сбросом наркотического средства.

Показаниям матери осужденного Мейрманова о том, что ее сын никогда не назывался именем «А []» суд дал критическую оценку, правильно указав на заинтересованность этого свидетеля в силу близких родственных отношений.

Кроме того, суд правильно указал на сходство по цвету клейкой ленты типа «скотч», которая была изъята при обыске в вагоне поезда у Мейрманова, с лентой, которой была обмотана сумка, сброшенная с поезда.

Таким образом, выводы суда о виновности Мерйманова в совершении преступлений основаны на совокупности доказательств, которые обоснованно признаны судом допустимыми и достоверными.

В связи с этим, ссылка адвоката в жалобе на то, что на руках и одежде Мейрманова не было обнаружено следов наркотического средства, не могут служить основанием для признания предъявленного обвинения недоказанным.

Что касается доводов кассационной жалобы адвоката о непричастности Мейрманова к эпизоду от 29 октября 2005 года, то они опровергаются показаниями свидетеля В [] на предварительном следствии, признанными судом достоверными, пояснявшего, что в этот день сумку с поезда ему сбросил проводник по имени «А []», которого он затем опознал как Мейрманова.

Доводы кассационных жалоб осужденного Умиртаева и адвоката Пшеничникова о том, что при рассмотрении дела судом были допущены

нарушения уголовно-процессуального закона, влекущие за собой отмену приговора, являются несостоятельными.

Право Умиртаева на защиту нарушено не было, так как в суде его интересы защищал адвокат по соглашению, то есть, Умиртаев во время судебного разбирательства был обеспечен квалифицированной юридической помощью. Что касается его ходатайств о допуске к участию в деле правозащитника Епанешникова, то все они были рассмотрены судом, и оснований для их удовлетворения суд не нашел.

Утверждения Умиртаева в жалобе о том, что ему не предоставили право участвовать в прениях и прервали при произнесении последнего слова, являются голословными. Как видно из протокола судебного заседания, Умиртаев не ходатайствовал об участии в прениях сторон и председательствующий судья не прерывал его последнее слово, замечаний на протокол судебного заседания Умиртаев не подавал (т. 13 л. д. 279).

Необоснованными являются и доводы кассационной жалобы Умиртаева о том, что суд постановил приговор при наличии обвинительного заключения, которое было составлено с нарушением требований уголовно-процессуального закона. Так, вопреки утверждениям осужденного в обвинительном заключении приведен не только перечень доказательств, но и их содержание. Что касается вопросов относимости и допустимости доказательств, то они относятся к компетенции суда и подлежат разрешению в судебном заседании.

Необоснованными являются также утверждения Умиртаева о том, что органами следствия была нарушена часть 2 ст. 18 УПК РФ. Из материалов дела видно, что право, предусмотренное этим законом, ему неоднократно разъяснялось, однако каждый раз он пояснял, что русским языком владеет хорошо, так как учился в школе, где преподавание велось на русском языке, в обиходе он общался только на русском языке, поэтому в переводчике не нуждается и показания желает давать на русском языке (т. 2 л. д. 49, 91, т. 7 л. д. 30). В суде Умиртаев, как это видно из протокола судебного заседания, фактически к услугам переводчика не обращался. Копия приговора вручена ему на казахском, а не на киргизском, языке (т. 16 л. д. 34).

Доводы кассационной жалобы осужденного Хутиева о необоснованном взыскании с него процессуальных издержек, связанных с оплатой труда адвоката, также являются несостоятельными. Согласно ч. 4 ст. 132 УПК РФ, расходы на оплату труда адвоката возмещаются за счет средств федерального бюджета в том случае, когда подсудимый

заявил об отказе от защитника, но отказ не был удовлетворен и защитник участвовал в уголовном деле по назначению. Участие защитника по настоящему делу было обязательным и из протокола судебного заседания видно, что Умиртаев от защитника не отказывался (т. 9 л. д. 159).

Правовая оценка действиям Соколовой, Марулина, Проскуры, Умиртаева, Хутиева и Мейрманова дана судом правильная.

Наказание каждому из них назначено с учетом характера и степени общественной опасности совершенных преступлений, данных о личности и обстоятельств, смягчающих наказание, в том числе и тех, на которые имеются ссылки в кассационных жалобах.

Оснований для применения в отношении Хутиева положений ст. 62 УК РФ не имеется, поскольку данных о том, что он активно способствовал раскрытию преступления и изобличению других участников преступления, в материалах дела нет.

Не имеется также оснований для применения в отношении Соколовой, Проскуры и Марулина положений ст. 64 УК РФ, поскольку ими совершены особо тяжкие преступления.

Нельзя также согласиться с доводами кассационных жалоб Соколовой и адвоката Шакиржанова о несоразмерности назначенного им наказания наказанию, назначенному другим осужденным, поскольку судом при определении срока лишения свободы учитывалась роль каждого из осужденных в совершении преступлений.

Что касается доводов кассационного представления о необходимости признания заявления Проскуры в качестве явки с повинной, то оснований для этого у суда не было, поскольку при написании этого заявления Проскура находился в состоянии наркотического одурманивания. Кроме того, суд на заявление Проскуры, как на доказательство его виновности, в приговоре не ссылался, но, учитывая его первоначальные показания, в которых он изобличал других соучастников преступления, назначил ему наказание с применением ст. 62 УК РФ, то есть так же, как об этом ставит вопрос автор кассационного представления.

Таким образом, оснований для отмены или изменения приговора по доводам кассационного представления и кассационных жалоб не имеется.

Руководствуясь ст. ст. 377, 378 и 388 УПК РФ, судебная коллегия

ОПРЕДЕЛИЛА:

Приговор Московского областного суда от 7 августа 2007 года в отношении *Хутиева М. [] А. []*, *Соколовой И. [] Б. []*, *Марулина Ал. [] С. []*, *Проскуры Д. [] Е. []*, *Умиртаева К. [] Т. []* и *Мейрманова [] А. []* оставить без изменения, а кассационное представление и кассационные жалобы – без удовлетворения.

Председательствующий:

Судьи: